

Таким образом, мне представляется, что между высказанной мной выше точкой зрения в отношении двух смыслов или способов употребления понятия возможности, и основанием разделения теорий Поппером имеется некоторое сходство. Первый случай употребления понятия возможности и получения пропозиции мнения видится мне менее обоснованным, а потому такую возможность я бы предпочел назвать «слабой». Второй случай употребления понятия возможности, наоборот, кажется мне более обоснованным самим фактом получения свидетельства возможности. Данную, вторую возможность я бы предпочел назвать «сильной» возможностью.

Исходя из всего вышесказанного, полагаю верным будет заметить, что хотя задача построения семантики пропозициональных установок – одна из древнейших задач, решаемых философией (в качестве естественного следствия вопроса о том, что есть знание о чем-либо), именно в рамках аналитической традиции философии были получены наиболее содержательные варианты ее решения. Как мне видится, условием возможности для возникновения подобного характера решений выступает переход от условно-содержательного к условно-формальному подходу в рассмотрении эпистемологической проблематики, который и был ознаменован зарождением аналитической философской традиции.

Тем не менее, несмотря на все многообразие и содержательный характер полученных при разработке семантики пропозициональных установок результатов, нельзя говорить о том, что на данный момент времени исследование можно считать завершенным. Даже существующие решения могут вызывать и вызывают критические возражения, равно как и сами интерпретации определений базовых понятий – понятий возможности и необходимости. Посему верным будет заключить, что что на данный момент времени задача построения семантики пропозициональных установок остается актуальной задачей аналитической традиции философствования.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЕКТЫ НЕКЛАССИЧЕСКИХ ЛОГИК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

А. С. Перфильева

*студентка 4 курса направления «Философии» Департамента
философии Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

Множественность современного логического дискурса приводит к необходимости разрешения вопроса «Что есть логика?». Это в некотором смысле закономерная тенденция – поиск определения сущно-

стной черты предмета в момент разветвления его практик. Но современность предполагает и своевременность, иначе говоря, конкретное состояние логической мысли продиктовано, в том числе, тем ментальным время-пространством, в которое эта мысль формировалась и развивалась. С другой стороны, возможно, что сама логическая мысль сформировала релевантный ей научный и художественный ландшафт.

Не вдаваясь в спор о первичности одного из явлений, мы выделим некоторые общие тенденции в постмодернизме – как в стиле сегодняшней общественной и культурной мысли – и в современных модальных и интенциональных логиках. (В перспективе это может стать одним из путей логического самоопределения в рамках философской традиции).

Неклассическая логика становится возможной только к концу XIX – началу XX вв. Предпосылкой этому служит публикация исчисления Дж. Буля, известного как «алгебра логики» (термин Ч. С. Пирса). Далее Г. Фреге предлагает символическую запись для строгого представления рассуждений¹⁴⁵. Универсализация логической записи, с одной стороны, и обнаружение парадоксов в канторовской теории множеств – с другой, позволили высказать «вотум недоверия» классической аристотелевской логике. Так, в 1908-ом г. выходит статья Л. Э. Я. Брауэра «О недостоверности логических принципов», которая инициирует создание интуиционизма. Позже альтернативный выход был предложен Д. Гильбертом в его концепции, получившей название «формализм» и окончательно сложившейся к 1922 г.¹⁴⁶

Модальные логики в фокусе современных исследований освещаются в работах К. И. Льюиса (1912), Я. Лукасевича (1920) и К. И. Льюиса и К. Г. Лангфорда (1932). Далее в 1948 г. А. Тарский и Дж. МакКинси предлагают алгебраическую интерпретацию модальной логики. Но «решающий перелом наступает на рубеже 50–60-х гг., когда семантика модальных и родственных им систем начинает разрабатываться особенно интенсивно»¹⁴⁷.

Здесь важно отметить некоторое изменение парадигмы, способствующее перевороту в логической науке. Совершенствование искусственных логических языков, их большая приближенность к естественным языкам позволили пересмотреть такое основополагающее для логики понятие как истинность. В классической логике истинно то, что соответствует действительности, и ложно то, что действительности противоречит. Аристотелевская логика

¹⁴⁵ См.: Карпенко А. Логика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон-Плюс, 2009. С. 424–428.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Смирнов В. А. Современные семантические исследования модальных и интенциональных логик // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 6.

не включает в себя такие аспекты, как относительность знания, изменение знания, конкретность истины и другие, так как апеллирует к неизменной и непротиворечивой метафизической данности.

Доказательство принципиальной нетождественности знания и иницирует в дальнейшем «динамический поворот» (термин Й. ван Бентема) в логике. Иначе говоря, теперь «разнообразные формы деятельности, такие как рассуждение, оценка, ревизия убеждений (belief revision) или коммуникация, сами по себе являются объектами исследования логики, и <...> их динамическая структура может изучаться чисто логическими средствами»¹⁴⁸. Однако динамизм проявляется не только в сфере коммуникации, но и вообще в семантике современных модальных логик, в которые структурно включается концепт действия (или деятельности) и в которых «ограничение довольно-таки простого по своей природе классического универсума рассуждений ведет к необычайной сложности вновь образованного универсума»¹⁴⁹.

Соответственно, множатся новые логические системы, «оказываются, логик (логических систем) не просто много, а континуально много»¹⁵⁰. Я. Хинтика также отмечает наличие самых разнообразных модальных систем, «богатство которых <...> может ошеломить каждого»¹⁵¹. Поэтому наш обзор, заранее не претендующий на полномасштабное исследование, но используемый в качестве вспомогательного средства для дальнейшего рассуждения, будет направлен лишь на некоторые из существующих интенциональных проектов, а иногда и менее того — лишь на семантику одного из современных логических разделов.

Логика времени. Оппонируя Аристотелю в вопросе о мыслимости движения, изменения в понятиях, «мегарик» Диодор Кронос постулирует «главный аргумент», в котором комбинируются и временная и модальная квалификации суждения. А именно — «возможное является тем, что есть или будет». Аристотель в одном из своих трактатов¹⁵² поднимает проблему высказываний о будущих событиях, которая в современной философской интерпретации постулируется как проблема объективности случайных событий.

Время и дальше оставалось в поле зрения некоторых виднейших мыслителей последующих эпох¹⁵³. Для логики же следующим

¹⁴⁸ Benthem J. van. A Mini-Guide to Logic in Action. Beijing: Philosophical Researches, 2004. P. 21.

¹⁴⁹ Карпенко А. Логика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / отв. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон-Плюс, 2009. С. 424–428.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Хинтика Я. Виды модальности // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 41.

¹⁵² Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 100.

¹⁵³ См., например: Августин А. Исповедь. М.: Ренессанс, СП ИВО – Сид, 1991. 488 с.; Кант И. Критика чистого разума. СПб.: ИКА «Тайм-аут», 1993. 472 с.

ключевым поворотом относительно осмысления феномена времени стала реконструкция А. Н. Прайором¹⁵⁴ выше названного «главного аргумента». А. Н. Прайор создает временную логику, в которой временные высказывания – суть модальные высказывания и которая содержит:

(1) переменные p, q, r и т. д. – суждения, истинностные значения которых могут быть различными в различные моменты времени;

(2) C, K, N и т. д. – обычные функционально-истинностные связи;

(3) временные операторы:

а. P , означающий «было так, что» (слабое прошедшее время);

б. H , означающий «всегда было так, что» (сильное прошедшее время);

с. F , означающий «будет так, что» (слабое будущее время);

д. G , означающий «всегда будет так, что» (сильное будущее время).

Предложения, соответственно, будут образовываться посредством комбинирования операторов с функционально-истинностными связками и/или друг с другом. Так, $KKpHpGr$ читается как «имеет место p , всегда было p , и всегда будет так, что p », а $HKpq$ – «всегда было так, что p и q ».

При изучении некоторых проектов (например, проект формализации прайоровской системы К. Л. Хэмблином¹⁵⁵) становится очевидным, что прежде конструирования логики рассуждения в контексте времени, необходимо установить свойства этого временного ряда. Как ни парадоксально звучит, система, не ограниченная никакими свойствами временного ряда, содержательно беднее той, которая ограничена указанным способом. Система, в семантику которой заложено некоторое специфическое свойство, например, время обязательно имеет начало, позволяет формулировать новые законы логики времени и новые умозаключения, корректные в некоторых временных контекстах. Сошлемся на проект А. Г. Кислова¹⁵⁶, в котором каждая спецификация модельной структуры сопровождается добавлением к системе определенных дедуктивных постулатов. Таким образом, некоторые семантические ограничения во временных логиках очевидно связаны со смысловой направленностью создаваемой системы.

Вообще, временная логика – один из некоторых разделов современной логики, которые «приобрели четкие очертания, а их

¹⁵⁴ См. подробнее: Прайор А. Н. Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 76–97.

¹⁵⁵ См., например: Hamblin C. L. Review of Prior's Time and modality // Australasian journal of philosophy. Dec. 1958. P. 232–234.

¹⁵⁶ См.: Кислов А. Г. Тематический корпус логики времени: от прошлого к настоящему // Пунктуации: складки времени. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 97–110.

исследование пошло по пути детальной, иногда технически очень трудной, систематизации»¹⁵⁷. Возможно, это связано с глубокой укорененностью временной проблематики в философском дискурсе, а, возможно, с тем, что «учет фактора времени позволяет учесть и рост знания <и> изменение знания»¹⁵⁸. Как мы помним, именно включение изменяемости результатов познания в научную и философскую парадигмы позволило логике перейти на новый уровень развития.

Эпистемическая логика. Логика коммуникации. В рамках теоретико-познавательной проблематики возникает иная методологическая установка, а именно — эпистемическая логика. Я. Хинтикка в работе «Знание и вера»¹⁵⁹, в частности, отмечает, что собственные имена могут не обладать соотнесенностью, а значит, субъект вполне может не знать, на что ссылается некоторое собственное имя. И восклицает уже в другой работе: «Но если даже собственные имена подводят нас, то что у нас остается?»¹⁶⁰.

Подобные сомнения возникают в рамках «динамического поворота» в логике, о чем выше вскользь упоминалось. По мнению Й. ван Бенгема¹⁶¹, «динамический поворот» направлен на то, чтобы сделать понятия коммуникации и информирования объектами логического исследования. Включение понятия действия в эпистемическую логику создает логику коммуникации, формальный инструментарий которой могут представить логика времени, философия действия и динамическая логика.

Отвлекаясь от привычных статических конструкций, логика коммуникации, если следовать логике указанной работы ван Бенгема, концентрирует внимание на распространенных (повседневных) коммуникативных ситуациях. И здесь, как и во временной логике, есть определенные условия (т. н. «входные данные», *preconditions*), которые устанавливают ограничения внутри системы или, интерпретируя, конструируют уместность данного акта коммуникации. Так, вопрос уместен, если: (1) правильный ответ вопрошающему неизвестен; (2) вопрошающий считает, что его собеседнику ответ может быть известен. Ответ также определяем некоторыми условиями: (I) «Отвечая, вы делаете меня

¹⁵⁷ Смирнов В. А. Современные семантические исследования модальных и интенциональных логик // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 5.

¹⁵⁸ Там же. С. 25.

¹⁵⁹ См.: Hintikka J. Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions. N. Y.: Ithaca, 1962. P. 129–131.

¹⁶⁰ Хинтикка Я. Виды модальности // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 51.

¹⁶¹ Benthem J. van. A Mini-Guide to Logic in Action. Beijing: Philosophical Researches. Supp: 21–30, 2004.

осведомленным о некоем факте *P*. Помимо этого вы теперь знаете, что я знаю *P*, а я знаю, что вы знаете, что я знаю, и т. д.»¹⁶², (II) ответ правдив. Так достигается общее знание (common knowledge), одно из центральных понятий логики коммуникации, заимствованное из программного анализа.

Существенным моментом является то, что и входные и выходные данные несут в себе «знание о знании других людей», что отражается в (2) и (I). Это одна из центральных предпосылок, связанная с интенциональностью современных логик. Можно обосновать это утверждение тем, что «знание о знании» напрямую конституирует успешность совершаемой коммуникации.

Множественность смысловых оттенков понятия знания отмечается еще Хинтикой. Так, помимо традиционного размежевания знания и веры, необходимо различать знание и истинностное мнение: «логика истинной веры не есть *S*₄, хотя логикой “реального” знания является <именно> *S*₄»¹⁶³.

Последний момент, который необходимо отметить, это включение в эпистемическую логику теории игр, которая позволяет учитывать стратегическое взаимодействие собеседников и их мотивацию, так как при выстраивании процесса коммуникации важны не только содержание информации и «знание о знании других людей», но и представление о целях собеседника, соразмерно с которыми будут выстраиваться и цели субъекта.

Итак, успешная коммуникация, следствием которой станут, соответственно, адекватные действия (здесь может включаться аспект практики), зависит от того, насколько учитывается динамический аспект и множественность знания в эпистемической логике.

Некоторые замечания относительно теории модальной логики. Понятие модальности, которое центрирует модальные логики, предполагает анализ таких модальных операторов как «необходимость», «возможность» и «случайность». Начиная с Аристотеля, эти понятия были включены в логико-философский дискурс, а с развитием символической логики появилась возможность их изучения точными методами. (Подобное можно сказать и о понятиях логики времени – «прошлое», «будущее»).

Импульсом к нынешнему развитию модальная логика получила в книге К. И. Льюиса и К. Лэнгфорда «Символическая логика» (1931). Ими был разработан аксиоматический подход, который позднее был дополнен алгебраическим методом Дж. Мак-Кинси и А. Тарского и семантическим С. Крипке.

¹⁶² Там же. С. 22.

¹⁶³ Хинтика Я. Виды модальности // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 56.

Семантически модальные логики отчасти схожи. Е. Леммон в статьях «Алгебраическая семантика для модальных логик I»¹⁶⁴ и «Алгебраическая семантика для модальных логик II»¹⁶⁵ выстраивает модальные системы в следующих терминах:

(1) схемы аксиом:

- A1. $A \rightarrow (B \rightarrow A)$
- A2. $(A \rightarrow (B \rightarrow C)) \rightarrow ((A \rightarrow B) \rightarrow (A \rightarrow C))$
- A3. $(\neg A \rightarrow \neg B) \rightarrow (B \rightarrow A)$
- A4. $\Box(A \rightarrow B) \rightarrow (\Box A \rightarrow \Box B)$
- A5. $\Box A \rightarrow \neg \Box \neg A$
- A6. $\Box A \rightarrow A$

(2) правила вывода:

- R1. $\frac{A, A \rightarrow B}{B};$
- R2. $\frac{A \rightarrow B}{\Box A \rightarrow \Box B};$
- R3. $\frac{A}{\Box A}.$

Соответственно, в этих терминах мы можем определить следующие модальные системы с подходящими им модельными структурами:

$S_2 = \{A_1 - A_4; R_1, R_2\}$ – любая (или «минимальная модальная логика» в другой работе Леммона¹⁶⁶);

$D_2 = \{A_1 - A_5; R_1, R_2\}$ – деонтическая;

$E_2 = \{A_1 - A_4, A_6; R_1, R_2\}$ – эпистемическая;

$T(C) = \{A_1 - A_4; R_1, R_3\}$ – нормальная;

$T(D) = \{A_1 - A_5; R_1, R_3\}$ – нормальная деонтическая;

$T = \{A_1 - A_4, A_6; R_1, R_3\}$ – нормальная эпистемическая;

$S_4 = \{A_1 - A_4, A_6, A_9; R_1, R_3\}$ – нормальная транзитивная эпистемическая.

Таким образом, представляется обозримой семантическая схожесть некоторых модальных структур, что говорит о принципиальном внутреннем единстве современных логических построений. Чтобы выявить корреляцию, в свою очередь, между современными интенциональными логиками и современными направлениями общественно-художественной мысли, обратимся к характеристизации сущностных черт последних.

¹⁶⁴ Леммон Е. Алгебраическая семантика для модальных логик I // Там же. С. 98–124.

¹⁶⁵ Леммон Е. Алгебраическая семантика для модальных логик II // Там же. С. 125–165.

¹⁶⁶ Lemmon E. J. Deontic logic and the logic of imperatives // Logique et analyse. 1965. Vol. 8. P. 39–71.

Говоря о постмодернизме, мы предполагаем лишь выделение некоторого общего контекста явления. Наше замечание является не столько методически необходимым утверждением, сколько попыткой сориентироваться в многообразии постмодернистских течений. Так, на «наличие многочисленных любопытных концепций постмодернизма» ссылается Т. Х. Керимов, констатируя далее, что «постмодернизм <однако> не имеет парадигматического определения»¹⁶⁷. Эта констатация действительности постмодернизма с одной стороны и отсутствие конкретной дефиниции с другой – общее место многих исследователей. Так, И. П. Ильин в своей второй монографии, посвященной постмодернизму, определяет его как «адекватное духу времени выражение и интеллектуального, и эмоционального восприятия эпохи»¹⁶⁸, Т. Х. Керимов как характерное в последние десятилетия для Запада явление, Н. Б. Маньковская избегает определяющих формулировок¹⁶⁹, а авторы «Арт-азбуки» утверждают: «Постмодернизм – это ситуация. Своего рода культурное “бытие”, которое действительно “определяет сознание”»¹⁷⁰. Хотя сами так называемые постмодернисты часто отрицают свою принадлежность к «выражению восприятия эпохи» или относятся к понятию с долей скепсиса¹⁷¹.

Разнообразие формулировок постмодернизма при попытке его идентификации есть прямое следствие его неограниченного проявления во всех сферах деятельности общества. Так, для И. П. Ильина «главным и основным предметом исследования и является этот феномен проникновения во все сферы гуманитарной мысли (и даже научно-естественной) от философии и психологии до научно-критической деятельности чисто художественного способа мышления»¹⁷². Читая постмодернизм иначе – как современную ситуацию в обществе – мы можем интерпретировать каждое событие (в реальной или текстуальной областях) как проявление постмодернистских тенденций.

Как дискуссионен вопрос о дефиниции постмодернизма, так и существенные характеристики этого явления культурной

¹⁶⁷ Керимов Т. Х. Постмодернизм // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. С. 529.

¹⁶⁸ Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. С. 5.

¹⁶⁹ См.: Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.

¹⁷⁰ Фрай М. Постмодернизм // Арт-азбука. Словарь современного искусства / под ред. М. Фрая. [Электронный ресурс]. URL: <http://azbuka.gif.ru/> (дата обращения: 10.10.2014).

¹⁷¹ См., например: Зенкин С. Н. Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2011. С. 6.

¹⁷² Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. С. 9.

и интеллектуальной области жизни не определены однозначно. Отправной точкой нашего анализа будут классификации того, что характерно для постмодернизма, составленные П. И. Хассаном¹⁷³, Н. Б. Маньковской во введении к «Эстетике постмодернизма»¹⁷⁴ и Т. Х. Керимовым в указанной выше словарной статье «Постмодернизм».

При сопоставлении постмодернистских граней, представленных в выше названных источниках, выделим некоторые общие для всех используемых исследований характерные черты:

(1) неклассичность, принципиальное противопоставление предшествующему дискурсу;

(2) отсутствие догмы, метадискурса, отрицание метафизики, истины, реальности, критика бинарных оппозиций, постулирование континуальности;

(3) парадоксальность, иррациональность, бессознательность, игра;

(4) жанровый синтез, цитатность, включение опыта мировой культуры;

(5) метод включенности в повседневность.

Итак, современные логики строятся как модификации классической логики при исключении некоторых законов классической логики или расширении некоторых классических понятий логики. Подобная тенденция выражена и в постмодернистских установках. Постмодернизм выстраивается в оппозиции к дискурсу Просвещения и, шире, к любой традиции, к любому классическому объекту (1). Однако постмодернизм является при этом историческим продолжением модернизма.

Также как современная логика, частично отказываясь от себя в аристотелевском смысле, порождает огромное количество своих форм, постмодернизм, отказываясь от тотального дискурса (2), создаёт множественные концепции, каждая из которых имеет равное право на существование. Здесь же отметим еще одну общую тенденцию развития двух феноменов, а именно отказ от бинарности. Если в постмодернизме перестают существовать оппозиции «правильное – неправильное», «искусство – неискусство» и другие, то в современной логике появляется дискурс многозначности, создаются некоторые многозначные логики, не детерминированные классическими понятиями «истина – ложь».

Особое понимание историчности, внесение континуальности как антитезы онтологизации, характерное для постмодернизма, привносит в логику особое понимание времени. Теперь возможно

¹⁷³ См. подробнее: Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический проект, 2004. 480 с.

¹⁷⁴ См.: Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетей, 2000. 347 с.

создание логических моделей, отражающих различные понимания времени.

Иррациональность, парадоксальность бытия (3) порождает дискурс игры. Так, известны языковые игры, которые в логической интерпретации образуют логику коммуникации или эпистемическую логику, в которой приобретение знания напрямую зависит от выбранной стратегии. Возможно, игровая семантика будет использована и другими отраслями современной логической мысли.

Межжанровость (4) как следующий отличительный признак постмодернизма проецируется в логическую теорию как принцип переноса достижений одного раздела логики в другой или, шире, как использование научного (математизация, некоторые теоремы) и интуитивного опыта при построении логических семантик.

Также следует отметить сближение современной логической теории с повседневными практиками человека. Если классическая логика ограничивает рамки своего применения и составляющие своего метода исключительно рациональной деятельностью, то логика сегодня занимается вопросами, возникающими в повседневной жизни, например, представлениями о времени, пространстве, коммуникации и т. д.

Эта черта характерна и для постмодернизма (5), использующего, например, перформанс с возможностью включения, во-первых, зрителя в любой момент действия, во-вторых, самого действия в случайный момент жизнедеятельности зрителя.

Отметим, что корреляция современных логик и постмодернистской теории заслуживает внимания и представляется нам вполне обозримой. На данном этапе исследования были выделены точки их соприкосновения, относительная схожесть установок и методологии.

КИБЕРПРОСТРАНСТВО: ИНФОРМАЦИОННЫЙ, ЯЗЫКОВОЙ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А. А. Плинер

*магистрантка 2 курса направления «Интеллектуальные
системы в гуманитарной сфере» Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Познавательная деятельность современного человека сопряжена с активным и повсеместным использованием информационных технологий. Они служат для получения, обмена и хранения информации, а также обеспечивают доступ к ней значительному